

**Ольга
Ляшко**

**Зберігач фондів
Національного
заповідника «Глухів»**

Веселка з минулого

У виставковій залі Національного заповідника «Глухів» розгорнула свою експозицію виставка «Веселка з минулого». Як фізичне явище веселка пов'язана із заломленням і відбиттям сонячного світла у водяних краплях, зважених у повітрі. Ці крапельки по-різному відхиляють світло різних кольорів, а спостерігач, що стоїть спиною до джерела світла, бачить різнобарвне світіння, що виходить із простору по концентричному колу. Саме таке враження отримуєш від різнобарв'я вишивок, представлених в експозиції виставки. Більше п'ятдесяти картин, вишитих майстринями Чернігівщини та Сумщини на домотканому полотні білого та чорного кольорів з льону та коноплі хрестиком, гладдю та набивним способом, створюють особливу атмосферу гармонії сюжетів та кольорів.

Є.С. Трофименко. Набивні троянди

Історія виникнення вишивки йде далеко в глибину століть. Вона виникла з появою шитва на примітивному одязі людини кам'яного віку. Навіть прилатанні одягу створювалась своєрідна картина з поєднаних стібків (вузликів), а згодом їх приховували за вигадливою мережею. У слов'янських народів вишивка мала релігійний характер, була так званим оберегом від зла. Вишиті вироби дарували дитині при народженні. Вважалося, що вони охороняють її від нечистої сили. Пізніше вишивку стали використовувати як прикрасу домівок та предметів побуту – фіранок, скатертин, постільної білизни, рушників тощо.

Кожен регіон України має свої особливості техніки і мотивів вишивки, на що сильно впливає структура тканини. На Сіверщині особливої популярності набула вишивка хрестиком, однак, щоб підсилити загальну виразність композиції, використовували два або більше типів швів. Геометричний або рослинний орнамент вишивається білими нитками або ж із вкрапленням червоного та чорного.

Відвідувачі виставки «Веселка з минулого» мають можливість оцінити майстерність Н.П. Васько, Т.П. Горяніної, А.С. Жмурко, Н.С. Нероциної, Н.Є. Полупан, В.І. Анашиної, Г.Ф. Братушак, В.С. Пилипенко, А.Т. Терещенко, А.Т. Гаврильченко, А.І. Рибалка та інших митців, побачити пейзажі та натюрморти, персонажів з улюблених нами

Фрагмент експозиції виставки

казок, плоди та квіти, які сплітаються у вигадливі завитки та бутони, барвистих птахів та зображення людей у міфічних образах.

Після перегляду цих робіт переконаєшся, що ручна вишивка у сучасному світі високих технологій і механізмів не тільки не втратила своєї популярності, а навпаки стала ще більш затребуваною. І можливо кожен, хто завітає на виставку, відчує тягу до цього мистецтва, щоб створити навколо себе і своїх близьких красу. І тоді світ стане кращим.

Двухцветный деревянный шарик

Когда-то, в те, как принято теперь говорить, советские времена, на Новый год в детских садах раздавали детям новогодние игрушки. Мне подарили двухцветный деревянный шарик. И вот теперь, глядя на него, я решил описать историю, с ним связанную. Конечно, этот случай не тот, что у А. Знаменской в «Голубке» или у Костенко в рассказе «Раз в тысячу лет».

Так вот, в 1936 году, проживая в городе Глухове, что на Сумщине, я ходил в детский сад, который находился по улице Спасской. В 1940-м году мои родители переехали в село Орловку, что в сорока километрах от Глухова в Ямпольском районе. В тех местах открыли большие торфяные залежи. Очень быстро построили подсобные помещения для рабочих. Шум паровой машины, перестукивание колес вагонеток, голоса рабочих наполняли дуг с утра до вечера. По инициативе директора в свободное время силами рабочих была выкопана небольшая землянка для нашего проживания. Она сказочно вписалась в пейзаж лужайки, рядом с которой рос сосновый лес. Работа моей мамы была на месте. Живи, работай и радуйся.

Но все в одночасье изменил 1941 год, война. Работы на торфоразработках приостановились, фронт быстро приближался к нашим местам. Часто пролетали вражеские самолеты. Они бомбили железнодорожный узел Хутор-Михайловский. Одним в лесу стало жить страшновато.

Помню пасмурный день. Догорал костер, и к нам подошли четыре бойца. поприветствовав нас, они попросили мою маму приготовить им кипяток для чая. После непродолжительного отдыха и чаепития они стали одеваться. В этот момент мама заметила, что

Бывший дом Каминского. г.Глухов, ул. Пушкинская, 38. 1957 г. Рисунок автора

на шинели одного из солдат был оборван хлястик, державшийся на одной пуговице. «Давайте я Вам пришью», – предложила мама. Молодой солдатик охотно принял это предложение. Я быстро сбегал в землянку и принес маме двухцветный шарик, где хранились нитки и иголка. Поблагодарив хозяйку за оказанную услугу куском хозяйственного мыла и дав мне две тонкие тетради и карандаш, солдаты ушли.

Вскоре мы оставили свое жилье и переехали снова в Глухов, теперь уже оккупированный немцами. В городе мы заняли полуподвальное помещение в том доме, где жили, когда я ходил в садик в 1936 году.

И вот 1943 год. Город был освобожден нашими войсками. По улице Пушкинской, где я жил, расселяли военных на ночлег. Зашли и к нам трое солдат. Разошлись на полу шинели, они почти сразу уснули. Утром, когда бойцы стали собираться, один из них вдруг уставился на столик, где стояла фарфоровая кружка, а на

ней – двухцветный шарик. Солдатик робко подошел к столику, очень пристально посмотрел на шарик и как будто виновато спросил: «Тетя, а Вы жили в лесу в землянке?». Мать ответила: «Да». «Так это Вы мне пришивали хлястик? Помните?». «Выходит да», – ответила мама.

Господи, какое это было радостное мгновение! Минут через 10 этот солдатик с товарищами принес несколько банок консервов, пакеты с перловкой, сухари, куски сахара.

Прощавшись с нами, они еще раз взглянули на шарик и ушли.

Вот такая история этого шарика, внутри которого сохранилась надпись «1936 год». Как сложилась судьба этого воина в дальнейшем – Бог весть. Возможно, он вернулся живым после Победы домой и рассказал эту историю своим родным. Хотелось бы!

27.04.2014 г.

Владимир Коваленко
г. Житомир

Глуховская больница в годы войны (Из воспоминаний Галины Ивановны Дубининой)

Окончив фельдшерскую школу в сороковом году, я по направлению была отправлена в Годуновку. В селе меня называли «докторшей». Медпункта не было, да и жилья тоже. Дали мне хатку с маленькой кухонькой, где проживала женщина с двумя детьми. Заведующим Глуховской больницей тогда был

наши документы. Через некоторое время он возвращается обратно, отдает бумаги и говорит: «Идите в распоряжение военкомата, у нас мужиков хватает, не хотим с вами возиться». Не успела я покинуть расположение части, как в воздухе появилась «рама», а через несколько минут немецкие самолеты начали бомбить город. Прибежала к

именительном падеже. Однажды с сестрой Настенькой мы сидели на крыльце. Подходит немец, звали его Тео, взял лозинку и начал заигрывать с Настенькой. Она отмахивалась-отмахивалась, а потом не выдержала и ударила его по лицу. Тео схватил пистолет и приложил к виску сестры. Мы сразу же начали реветь. Он положил пистолет обратно в

Узники Глуховского лагеря военнопленных

Палий. Помню, пришла к нему и говорю: «Ну, Вы хоть бы приехали и посмотрели, что это за медпункт, что мне там делать!». Он отвечает: «Ладно, я куплю велосипед, научусь кататься и тогда приеду». Тогда в Глухове мне дали инструменты и медикаменты, одной бабе даже зуб успела вырвать. О том, что немцы напали и началась война, узнала по радио. Во всех волосы стали дыбом. Получила повестку на фронт. В военкомате мне и еще нескольким девчатам дали направление в глуховскую танковую часть. Приходим туда, а там среди двора стоит большущий танк. Вышел военный, забрал

военкомату – ворота открыты, машины стоят, из здания выносят и грузят ящики с бумагами. Военком, увидев меня снова, закричал: «Идите на Сумы, вас там мобилизуют!». Две девушки, с которыми я ходила в воинскую часть, смогли пристроиться в военный госпиталь, который находился в школе № 1 и в пединституте. Позже госпиталь был эвакуирован. Запомнилось имя только одной из медсестер – Даша Самуиловна Широченко.

Я осталась в Глухове. Как только немцы заняли город, нам на квартиру поселили австрийца и немца. По-русски говорили оба: немец – хорошо, австриец – в

кобуру и говорит: «Счастье твое, что мы живем в вашем доме». А вот австрийцу Эриху мы благодарны жизнью. Перед приходом советских солдат в 43-м году стали «наши» квартиранты собираться. Я схожу с крыльца, а с улицы заходит австриец и говорит: «Завтра русские офицеры будут тут. Тебе хорошо будет, а мне капут. Не попадайтесь на глаза немцу Тео». Я ушла на Спасскую улицу, брат Володя спрятался на чердак и зарылся в сено. Мама и отец не ушли. Прибежал Тео с фонариком, осветил под кроватью, открыл гардероб, посмотрел в погреб, но не спустился вниз, видимо боялся,
Продолжение на стр. 4

Окончание. Начало на стр. 3
чтобы не закрыли, и ушёл.

Мой отец до войны был машинистом на железнодорожной ветке Глухов – Баничи. Тогда всем железнодорожникам раздавали участки вдоль железнодорожных линий, поэтому о сентябрьских боях возле города мы узнали одни из первых. Наш огород находился ближе к с. Белокопытово. Как только отгремели взрывы возле сел Баничи и Перемога, мы поехали копать картошку. Подходим к мосту, а его нет. На насыпи один убитый солдат лежит лицом вниз, второй смотрит вверх. Родители нашли у них медалионы и там же похоронили. Вместе с отцом, заведующим медицинским участком, работал Сергей Васильевич Сербин. Я навсегда запомнила вечер, когда Сербин пришел к нам домой, взял мои руки и, поцеловав их, сказал: «Приходи перевязывать раненых». Сергей Васильевич в ту ночь обошел всех медиков и все откликнулись. Когда я прибежала в больницу, почти все раненые солдаты уже были перевязаны, только несколько человек лежало на полу как на поле боя. Взяла лоточек, перевязочный материал и приступила к делу. За несколько дней безвластия местные жители вынесли с больницы все! Мебель, кровати, матрасы... Сербин обошел все улицы, что близ больницы за Летним садом. Он прошел по всем дворам, наделал шума, говорил, что раненые пленные голодные и их надо кормить. Люди откликнулись и понесли в ведрах картошку, суп, кашу. Немецкие солдаты, которые привозили наших раненых в больницу, клали их на холодный пол. На мельнице мы нашли новые мешки, стали из них шить матрасы и одеяла, набивали их пенькой и соломой.

Уже на начало холодов все раненые были укрыты теплыми одеялами. Отом, что больница начала работать, узнал ее бывший завхоз и принес наволочки и простыни. Там, где сейчас находится воинская часть, был лагерь для военнопленных. Сербин проник туда и выпросил двух врачей – Крупинского и Ислама Мусаевича Мусаева, азербайджанца по национальности. Последний стал хирургом в нашей больнице, а Крупинский был терапевтом. Помню, как воспалился аппендицит

у моей сестры. Мусаев посмотрел, определил, что надо делать операцию, и говорит: «Скажите своей сестре, чтобы не кричала, наркоза у нас нет». Вот он по живому и резал ее. Она как уцепилась за мои руки, думала, что все кости поломают. Также запомнилось, как он принимал роды. Ислам Мусаевич до войны ведь только закончил медицинский институт. Ребенок не хотел выходить, пришлось делать кесарево сечение. Разложил доктор книги по акушерству вокруг роженицы, поставил баночки с холодной и теплой водой, так и делал операцию.

У военнопленных мы обменивали на еду перевязочные пакеты и медикаменты. Приходилось стирать бинты много раз, прачечной не было, поэтому стирали дома. По городу пошли слухи, что немцы «раздают» пленных: если найдется человек, который ручается, что военнопленный не уйдет в партизаны, дается бумага, что он уже не пленный. Был у нас москвич Виктор Орлов – красивый парень, у него была отрезана рука. Все наши пленные нашли себе поручителей. Подошёл ко мне пленный Ваня Зайцев и говорит: «Сестричка, уже все нашли поручателей, а я никак не могу найти». Пошла я с ним в комендатуру. Она находилась там, где сейчас районная администрация. В присутствии немецкого офицера и переводчицы я расписалась в документе, в котором ручалась, что Ваня не уйдет в партизаны. Потом немец что-то «дыркнул», а переводчица говорит: «Вот приведете вы его домой, и что он у вас будет делать?». Как только мы вышли из комендатуры, моего военнопленного как ветром сдуло, даже спасибо не сказал, может подумал, что я его за мужа возьму. Потом он на мельнице устроился, но всегда меня избегал.

Еще одного пленного я выручила по просьбе его товарища Петра Мартынова. Тогда мне пришлось идти в воинскую часть, где находился концлагерь. Возле забора стояло много женщин, которые выручали пленных. Комендант спросил у меня фамилию военнопленного и выдал справку, что он является жителем города Глухова.

Во время оккупации больные

жили в больнице. Сотрудников больницы в Германию не брали, поэтому желающих у нас работать было много. Раненых, которые выздоравливали, определяли санитары и истопниками при больнице. Койка за ними сохранялась. Немцы ходили с проверками, и если койка была свободной, спрашивали: «Где?». Говорили: «Умер». Раненых пленных никто не охранял. Тех, кто умер, мы хоронили под медицинской базой. Вначале там была небольшая часовня. Умерших помещали в часовню, а потом большую могилу выкопали. Застелем шинелью дно могилы, похороним, а другой шинелью прикроем.

Однажды зимой немцы привели партизана. Притянули за две руки, бросили и поставили охрану. В палате был такой смрад, что немецкий солдат не мог в ней находиться, охранял пленного возле палаты. Этого партизана и медсестру куда-то перебрасывали на самолете, а когда они спустились на парашютах вместе с рацией в районе Глухова, то были обстреляны. Медсестра погибла, а он был тяжело ранен в спину и в прямую кишку. Раненый все время лежал на животе и не мог передвигаться. Через некоторое время он выздоровел и начал ходить. Однажды, во время обхода, смотрю – висит его одежда возле койки, а самого нет. Вскоре он вернулся и достал из кармана сводки информбюро, а потом, через два-три дня, опять исчез. Лежал он под фамилией Василий Антонович Сидоров (настоящая фамилия Громов). Оказалось, что он постоянно поддерживал связь с партизанами, а за несколько дней до прихода наших в 43-м году собрал всех раненых пленных, которые могли передвигаться (в том числе сына Сербина), и увёз на больничной бричке.

Уже после освобождения Глухова, как-то вечером, открывается калитка дома, заходит мужчина в кожаной куртке с портупеей, в партизанской шапке с красной лентой – тот самый Василий Антонович Громов. Подошёл он и говорит: «Дай свои данные, у меня в штабе есть друг, получишь вознаграждение». Я не дала, говорю, что все работали, а одной мне вознаграждение как-

то неудобно. Он долго уговаривал и сказал: «Пожалеешь, но будет поздно». Потом, конечно, пожалела. Поступая в медицинский институт, у меня не хватило всего одного балла. Участники войны все вне конкурса прошли, а была бы бумажечка, может быть и меня бы зачислили.

Война закончилась, наши пленные развезли по домам, а больница превратилась в хирургическое отделение. Мусаев продолжал работать хирургом, делал сложные операции. Позже он

женился в Глухове на одной очень красивой девушке. Я работала дежурной сестрой. Ночь дежуришь – двое суток дома, день дежуришь – сутки дома. Медработники начали получать зарплату, ведь при немцах мы ничего не имели, да никто и не требовал. Сергея Васильевича Сербина во время оккупации немцы наградили каким-то орденом. После освобождения города ко мне кто-то приходил из райкома партии с просьбой написать свои воспоминания, почему Сербину дали

крест. Я ответила: «Немцы видели, сколько он сделал для своего народа, для своих раненых, какую пользу он принес. Просто оценили его труд».

Самой большой наградой за наш труд были письма военнопленных. Каждый старался вложить в них свои фотографии и написать благодарственные строки, адресованные всему коллективу больницы.

*Интервьюер Дмитрий Кмец.
Подготовил к печати
Александр Мирошниченко*

Частная и общественная благотворительность Глухова

Окончание. Начало в № 60-61

Полагаю, что и всякие иные пожертвования, могущие послужить хотя бы только на пользу и украшение города, должны почитаться своего рода благотворительной жертвой. В особенности следует отметить пожертвования, в основе которых лежит вера Христова. Не стану останавливаться на различных пожертвованиях в пользу благолепия местных храмов, но упомяну хотя вкратце, что на средства тех же Терещенко с мая 1884 г. началась в Глухове постройка большого храма, которому со временем суждено быть красивейшим из местных храмов. До этого года храм выстроен по купол и на устройство его уже израсходовано 151240 руб. В этом году храм будет окончен вчерне. Окончательно же устройство его обойдется (по смете) не менее в 400000 руб. Зато это будет такой храм, который составит истинную гордость нашего города. Я знаком с довольно подробным описанием церкви нашей губернии, но не встречал указания подобного храма. Да, если наш город может гордиться существованием поименованных учреждений, то всего больше он может гордиться тем, что таких щедрых для нашего города благотворителей, каковы Г. Терещенки, город считал и считает своими гражданами.

Перейду к деятельности обще-

ства вспомоществования бедным ученикам мужской прогимназии в гор. Глухове. Означенное общество, по мысли г. директора заведения, М.Ф. Лазаренко, учреждено с 1881 г. Цель общества состоит в том, чтобы удовлетворить материальным нуждам бедных учеников и тем облегчить им продолжение учения. Сообразно с этой целью общество оказывает бедным ученикам помощь необходимыми для них предметами: даёт им одежду, бельё, обувь, учебные пособия, уплачивает за квартиру, за обучение, ассигнует единовременные денежные пособия и вообще удовлетворяет их действительными нуждами. К 1 января 1886 г. общество имело остаток в сумме 2876 руб. 40 коп. В течение 1885 г. поступило членских взносов и других доходов 828 руб. 85 коп. В том же году расхода на выдачу пособий учащимся было 714 руб. 59 коп., из коих 200 руб. отпускаемых ежегодно на этот предмет местным уездным земством и 514 руб. 59 коп. из сумм общества вспомоществования бедным ученикам прогимназии, в этом числе общество уплатило за право учения 12-ти учеников. Кроме того, за 42 ученика плату за учение уплатило местное земство. Это в высшей степени полезное общество состоит из неограниченного числа членов обоего пола, всякого звания и состояния, за исключением учащих-

ся. Члены общества разделяются на: а) членов попечителей, которые кроме известного ежегодного взноса по своему состоянию могут принимать большее сравнительно с другими участие в составлении материальных средств общества; б) попечительных членов, которые вносят в кассу не менее 10 рублей; в) действительных членов, вносящих ежегодно не менее 3-х рублей. Нельзя не пожелать от всей души крепнуть и развиваться этому благому обществу. Перейду к помощи, оказываемой городом и еврейским обществом бедным больным. На покупку лекарств для несостоятельных жителей города дума отпускает жалкую сумму в 100 руб., из коих в 1885 году получился ещё остаток в 38 руб. 23 коп. Нет сомнения, что если эта статья так мало достигает благой цели, то причину тому служит формальность, в силу коей каждый бедняк, получивший рецепт от врача, должен отыскать члена управы или голову, которые удостоверяют рецепт своей подписью, после чего уже аптеки выдадут необходимое лекарство. В последний год, ввиду прекращения эпидемии дифтерита, постановление думы было человечнее и логичнее. По этому постановлению достаточно доктору написать рецепт и добавить, что лекарство прописано бедному за счёт города, всякий больной мог

Продолжение на стр. 6

Окончание, начало на стр. 5.

получать тогда такое лекарство из любой местной аптеки. На этот раз в своём человеколюбии дума зашла ещё далее и не ограничивала суммы расхода, а предоставляла это благо-разумию управы, которая должна только предоставлять подробный отчёт. Это распоряжение вполне благо-разумно. Я думаю, что врачу, посетившему больного, яснее всего будет видно материальное положение последнего. Кроме сказанного, дума отпускает ежегодно 50 рублей на поездку к таким бедным больным врачей и фельдшеров. Значительно далее в своей благотворительности бедным больным пошло местное Еврейское общество. Последний 1886 год Еврейское общество на лечение и поддержку бедных больных евреев отпустило 400 руб., из коих остаток выразился лишь в 6 рублях. Остаётся теперь сказать о благотворительных заведениях местного земства. Глуховские земские благотворительные заведения помещаются в зданиях, принадлежащих уездному земству. Красивые здания построены для помещения больницы, но ввиду ограниченных доходов местного земства пришлось поместить в одном из этих зданий богоугодное заведение. Призреваемых в богадельне определяется по штату 36 человек, из коих 18 мужчин и 18 женщин. Из общего числа призреваемых 30 содержатся на средства уездного земства, один – на проценты с пожертвованного капитала Г. Карпекою, 5 – на средства города. Действительно же призревалось в течение 1885 г., по расчёту на 1 день, 33 человека, в том числе 17 мужчин и 15 женщин, из них на средства земства 28, за счёт города 4 и на проценты с капитала Карпеки – 1. Содержание богадельни в том же году обошлось в 3487 руб. 32 коп.; суточное содержание одного призреваемого, не считая платы за помещение, обошлось в 28,16 коп. Израсходованная сумма пополнялась из следующих источников: от уездного земства – 2954 руб., от города по числу призреваемых и действительному расходу на них – 422 руб., процентов от капитала Карпеки – 500 руб., платежа от конторы товарищества Бр. Терещенко на богадельника Марченко – 60 рублей.

Штатное число кроватей в больнице местного земства определяется в 25, в том числе 16

Проект восточного фасада храма святых Трёх Анастасий, 1884 г.

для мужчин и 9 для женщин. В течение 1885 г. состояло в больнице по расчёту на один день 25 человек, из них 15 мужчин и 10 женщин.

Расход, вызванный содержанием больницы, выразился в сумме 5600 руб. Суточное содержание одного больного обошлось в 61,3 коп. Причитающаяся к поступлению плата за лечение распределилась так: а) за военных больных – 131 руб. 87,3/4 коп.; за арестантов и прочих – 153 руб. 70 коп.; в) за гражданских лиц, пользовавшихся на счёт свой и обществ, – 501 руб. 15,1/3 коп. Остальная сумма пополнялась местным земством; из этого числа за пользованных по закону бесплатно от заразных болезней – 443 руб., за пользованных бесплатно по бедности – 631 руб. 55,5 коп. Определяемый за лечение платёж в сутки: с больных

военного ведомства и проч. лиц казённого ведомства – 61,5 коп., со всех остальных лиц – 17 коп. За лечение же лиц на счёт городского управления платёж производится согласно постановления собрания 1883 г. по действительной стоимости содержания.

Заканчивая статью, следует высказать благодарность местному земству, которое одно из всей губернии отстояло у себя богоугодное заведение, тогда как участь этих заведений в других городах, по решению губернского земства, решена в смысле сосредоточения их в других городах губернии: Чернигове и Нежине.

Черниговские губернские ведомости, 1887, № 29

Подготовила к печати
Светлана Жукова

**Маргарита
МЕЛЬНИК**

Науковий співробітник
Національного
заповідника «Глухів»

Развитие земской медицины Глуховского уезда в конце XIX в. (За материалами журнала Глуховского уездного земского собрания, очередного заседания 1891 г.)

Сегодня каждый человек имеет право на получение квалифицированной медицинской помощи. Основы существующей системы здравоохранения были заложены с появлением земских учреждений. Обеспечение населения доступной медицинской помощью являлось одной из важнейших задач, стоявших перед земствами. С этой целью ими была проведена огромная работа.

Журналы уездного земского собрания позволяют нам подробно рассмотреть вопросы, которые были в ведении собрания, управы, ревизионных комиссий. Главной задачей деятельности Глуховского уездного земства была правильная организация медицинской помощи населению уезда, поэтому земством началось создание сети фельдшерских пунктов. Уезд имел 9 фельдшерских пунктов (по числу волостей в уезде). В Глухове была земская больница и больница Св. Евфросинии.

Подаем документ, сохраняя правописание того времени.

Глуховскому уездному земскому собранию XXVII очередной сессии Комиссии по преобразованию земской медицины в Глуховском уезде

ДОКЛАД

Согласно постановлению земского собрания 20-го сентября 1890 г. комиссия вошла в суждение по поводу предложения г. Черниговского губернатора от 10 октября 1889 г. № 3823.

Предложение г. Черниговского губернатора касается следующих пунктов:

I. Комиссией предложено, для улучшения медицинского дела, выдать сельским обществам, по заявленному ими желанию, субсидию для устройства в разных местах уезда «сельских больничек» (Предложение г. губернатора).

Название «сельских больничек» вошло в доклады земской управы 1888 г. комиссии по преобразованию земской

медицины 1889 года и постановление земского собрания 25-го сентября 1889 г. – по недоразумению.

Конечно, если бы были средства для учреждения больниц и в селениях, – было бы желательнее их устраивать, – но, за неимением средств, представляется необходимость в районе уезда ограничиться такими медицинскими учреждениями, которые стоили бы недорого и удовлетворяли бы самым необходимым медицинским потребностям, ежедневно встречающимся в сельском быту.

Поэтому, как в проект земской управы, доклад медицинской комиссии, так и в постановлении земского собрания 25-го сентября 1889 года не имелось в виду устройство таких медицинских учреждений, которые соответствовали бы общепринятому названию «больницы», а только приемные покои, вполне удовлетворяющие своему назначению, – т. е. чтобы, по окончании приема входящих больных, наиболее нуждающихся в непрерывном наблюдении доктора, можно было на некоторое время (иногда несколько часов, после незначительной операции) оставить при приемном покое. Это будет не сельская больница, а врачебный пункт с приемным покоем, в котором больные будут приниматься на кровать только в исключительных случаях. Рассчитывая на 8 кроватей, земство не предполагает, чтобы они когда либо были все заняты. Напротив ежедневное среднее количество больных на кроватях в этих приемных покоях по расчетам земства, должно быть очень невелико и вообще не должно превышать 4.

Для более серьезных случаев в Глуховском участке имеется в г. Глухове больница на 25 кроватей, и кроме того в Глухове же больница Св. Евфросинии на 25 кроватей.

II. Предложением г. губернатора требуется, чтобы тюфяков для перемены было еще 8, подушек также еще 8 с ответствующим количеством наволок; суконных одеял необходимо 16 штук, халатов

такое же количество, иначе одеяла и халаты будут постоянно грязными.

Коль скоро имеются в виду только обыкновенные врачебные пункты для обыкновенных медицинских случаев, то само собою определенный в проект комиссии комплект тюфяков, подушек, наволок, одеял и халатов для 8 кроватей, по мнению комиссии, является более, чем достаточным.

Тем же предложением замечено:

III. В таблице под лит. В. на довольствие больных в год показано всего 146 руб. Помножая число больных (8) на 365 дней, в году получается 2920 дней: деля 146 руб. на последнее число, в частном получается менее 5 коп. на человека в день. Как бы ни была дешева провизия в деревне, на 5 коп. прокормить человека нельзя; необходимо, по крайней мере, 15-17 коп. в сутки).

Относительно пищи для больных, комиссия основывается на следующих соображениях: в тех случаях, где, по свойству и ходу болезни требуется какая-нибудь исключительная больничная пища, больных надо обратить или в городскую земскую больницу, или в больницу Св. Евфросинии, что в настоящее время и делается. Если же доктор, по окончании приема больных в сельском приемном покое, найдет нужным оставить на некоторое время больного под своим непрерывным наблюдением, то состоятельные больные сами озаботятся доставкою из дому соответствующих съестных припасов, изготовление которых может быть поручено прислуге, имеющейся при врачебном пункте. Вопрос о пище для несостоятельных больных, оставляемых доктором при врачебном покое, будет решен местным попечительством, на деятельность которого земское собрание всегда рассчитывает.

IV. На вопрос, что между постройками, составляющими «сельскую больничку», не указано помещения для мытья белья, а между тем совершенно отдельное поме-

Продолжение на стр. 8

Окончание. Начало на стр. 5

щение для сего весьма необходимо, ибо нельзя допустить мойки белья в той же кухне, где готовится пища для больных, комиссия отвечает, что, по мнению сея, в помещении бани возможно и следует устроить камеру для дезинфекции с особым ходом.

V. В виду того, что деревянные кровати трудно содержать в должной чистоте, необходимо заменить их железными (Предложение г. губернатора).

Комиссия, с своей стороны, находит замену деревянных кроватей железными практичной и выгодной.

VI. Требуется отдельная ванна для сифилитиков (Предложение г. губернатора).

Комиссия полагает, что, при содержании в чистоте, ванна не может служить источником распространения заразы.

VII. В таблице вещей не упомянуто о полотенцах (Предложение г. губернатора).

Комиссия находит, что приложения к докладу о преобразовании земской медицины вовсе не обнимают всех вещей необходимых, а только главные; во всяком случае, при врачебном пункте должно быть не менее 2-х дюжин полотенец.

VIII. Аптечный шкаф помещен только один; в нем необходимо отделение, по крайней мере, для сильно действующих веществ, хранящихся под ключом врача; весы с разновесами нужны также двойные для сильнодействующих (ядовитых) веществ и для несильнодействующих. Ступки и пилюльные машинки должны быть также отдельными для того и другого рода веществ. О дистилляционном кубе также

не упомянуто, между тем для некоторых лекарственных веществ необходима дистиллированная вода (Предложение г. губернатора).

Отдельное помещение в шкапу для сильнодействующих лекарств необходимо и подразумевалось комиссией при составлении проекта. Весов, ступок, пилюльных машинок и проч. будет несколько; по одному экземпляру этих предметов будет предназначено для сильнодействующих ядовитых веществ. Дистиллированная вода будет получаться в сельских приемных пунктах из Глуховской земской аптеки.

IX. На 50 руб. невозможно обзавестись самыми необходимыми инструментами; на 50 рублей лекарств тоже недостаточно для больницы в 8 человек (Предложение г. на губернатора).

Что касается медицинских инструментов, комиссия полагает, что на сумму 50 руб. можно приобрести их достаточное количество для сельского приемного покоя. Земство ассигнует особую сумму вообще на лекарства; если

бы 50 руб. для приемного покоя оказались недостаточными, — необходимое может быть взято из общей ассигновки на лекарство.

X. На 120 руб. трудно прокормить и дать вознаграждение трем человекам прислуги (Предложение г. губернатора).

Ассигновав 60 руб. на наем прислуги для сельских приемных пунктов, земство имело в виду только субсидию местному попечительству.

XI. Баню при больнице нельзя делать торговым заведением, так как она может служить нередко разсадником инфекций, ибо в нее могут приходиться лица зараженные и тем служит источником заразы для больных, находящихся на излечении в больнице и наоборот (Предложение г. губернатора).

Комиссия полагает отменить пункт проекта о взимании платы с посторонних при пользовании банею приемного покоя и дополнить это положение статьей, в силу которой, если состоится открытие приемного покоя, земству уведомляет медицинское начальство.

Національний заповідник «Глухів» запрошує

глухівчан та гостей міста оглянути панораму древнього Глухова з вежі міського водогону, здійснити мандрівку його вулицями й площами, відвідати храми і музеї, помилуватися чарівними місцевими краєвидами. В приміщенні вежі водогону працює виставка «Кімната художника В.А. Мохова»

**Довідки та замовлення екскурсій
за тел. (05444) 2-35-57**

Газета «Соборний майдан»

Засновник — Національний заповідник «Глухів»

Свідоцтво про реєстрацію № СМ 390 від 06.02.2004 р.

Адреса редакції: м.Глухів Сумської обл., вул.Шевченка, 30, тел. 2-35-57, e-mail: dikz@ukr.net

Номер підготовлено до друку у науково-дослідному відділі заповідника

Верстка Віктора ІСАЄВА

Газета надрукована у АТ «Шосткинська міська друкарня»

м.Шостка, вул. К.Маркса, 69

Підписано до друку 20.05.2014 р.

Тираж — 500 примірників. Замовлення № 5332.

Редакція газети «Соборний майдан» запрошує до творчого співробітництва науковців, краєзнавців, любителів старовини

Електронна версія на сайті <http://nz-hlukhiv.com.ua/>

Редакційна колегія

Світлана ЖУКОВА

Юрій КОВАЛЕНКО

Ірина МОШИК

Олександр МІРОШНИЧЕНКО

Віктор ІСАЄВ

РОЗПОВСЮДЖУЄТЬСЯ БЕЗКОШТОВНО